

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ (Москва)

ВСЯКОЕ ЛИ ВНЕШНЕЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ НЕДОПУСТИМО?

В среде лингвистов всякое стремление установить генетические связи между языками путем сопоставления слов только на основе их внешнего звукового сходства при полном пренебрежении к истории данных слов, т. е. к звуковым законам, нашедшим отражение в их внешнем облике, всегда получало сугубо отрицательную оценку. Ярким примером этого может служить так наз. четырехэлементный анализ, некогда применявшийся Н. Я. Марром. Антинаучность этого метода была настолько очевидной, что от применения его отказывались часто даже наиболее ревностные поклонники учения Н. Я. Марра. Однако в определенных условиях внешнее сопоставление может привести на след скрытой в явлении истины.

Мы сделали попытку на основе чисто внешнего сходства сопоставить первые составные части субстратных гидронимов с суффиксами *-еньга*, *-онга*, *-анга*, *-юг*, *-уг*, *-уга* и *-юга*.¹ Прежний наш список насчитывал 38 коррелирующих пар гидронимов. Благодаря дальнейшим изысканиям в настоящее время он содержит уже 64 пары. Кроме того, в результате обнаружения новых более близких по звучанию гидронимов в ряде случаев были произведены замены отдельных членов коррелирующих пар. Приведем этот новый список полностью: *Анд-анга* — *Анд-юга*, *Аш-анга* — *Аш-уга*, *Вод-еньга* — *Вод-юга*, *Важ-еньга* — *Вож-уга*, *Варз-еньга* — *Варз-уга*, *Верд-еньга* — *Верд-уга*, *Войм-анга* — *Вайм-уга*, *Вол-онга* — *Вол-юга*, *Вон-онга* — *Вен-юга*, *Вор-енга* — *Вер-юга*, *Воч-еньга* — *Вач-уг*, *Ел-еньга* — *Ел-юга*, *Ер-еньга* (старое название Яр-еньги) — *Ер-юга*; *Ерз-еньга*, *Орс-онга* — *Урз-уга*, *Кер-енга* — *Кир-юга*, *Кест-еньга* — *Кост-юга*, *Кол-еньга* — *Кал-юг*, *Кор-еньга* — *Кар-юг*, *Корб-анга* — *Карб-уга*, *Кос-еньга* — *Кос-юг*, *Коч-еньга* — *Коч-уга*, *Куж-еньга* — *Кож-уга*, *Куз-еньга* — *Куз-юк*, *Кунд-анга* — *Кунд-юк*, *Курд-еньга* — *Курд-юк*, *Лад-онга* — *Лат-юга*, *Лунд-анга* — *Лунд-юг*, *Мурд-инга* (из *Мурд-еньга*) — *Мурд-юк*, *Лухт-онга* — *Лохт-юга*, *Нел-енга* — *Нель(н)-юга*², *Ним-еньга* — *Нем(н)-юга*, *Нор-еньга* — *Нор-юг*, *Пад-еньга* — *Под-юга*, *Пал-еньга* — *Пол-юг*, *Пан-онга* — *Пан-юга*, *Пар-анга* — *Пар-юг*, *Пеж-еньга* — *Пеж-уга*, *Пел-еньга* — *Пел-юга*, *Пен-енга* — *Пен-юга*, *Пин-юг*; *Пет-енга* — *Путь-юга*, *Печь-еньга* — *Печ-уга*, *Пож-еньга* — *Пыж-уг*, *Порд-онга* — *Порт-юга*, *Поч-еньга* — *Пач-уга*, *Пунд-онга* — *Пунд-уга*, *Ровд-еньга* — *Равд-уга* (*Ревт-уга*),

¹ Б. А. Серебрянников, О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг*. — СФУ II 1966, стр. 59—66.

² Вставочное *н* возникло, по-видимому, под влиянием начального *н*.

*Себр-еньга — Шубр-юк, Сел-еньга — Сел-юга, Сол-анга — Сол-юга, Суч-еньга — Суч-юга, Тюл-еньга — Тел-юг, Унж-еньга — Онж-уга, Уфт-анга — Уфт-юга, Ухт-анга — Ухт-юга, Цил-еньга — Цел-юга, Чад-инга (из Чад-еньга) — Чет-уга, Чаж-еньга — Чеж-уга, Чер-енга — Чир-юг, Чулп-еньга — Чебл-юга, Шепл-еньга — Шибл-юк, Шил-еньга — Шил-юга, Шел-юг; Шич-еньга — Шич-уга, Шорт-анга — Шорт-юг, Яш-анга — Яш-уга.*³

К этим фактическим данным можно относиться по-разному. Можно прямо их уподобить результатам анализа по четырем элементам и на этом основании отвести их, но можно отнестись к ним более вдумчиво. Внимательный читатель заметит, что метод сопоставления слов неизвестных языков производится нами не в полной независимости от чего бы то ни было, а при наличии определенной системы так наз. ограничителей возможной случайности совпадений.

Некоторые топонимисты, предполагающие, что они пользуются подлинно научными и точными методами исследования, почему-то уверены, что в мире случайностей нет никаких законов. Достаточно взять любое произвольное звуко сочетание и в любом языке можно найти совершенно случайные его подобию. Однако это не совсем так. Сама случайность имеет определенные законы. Попробуем произвести простой эксперимент. Выделим в русском слове *ка-ша* звуко сочетание *ка* и проследим, где оно может случайно встретиться. Оно будет встречаться буквально на каждом шагу в звуковом составе различных слов, например, *по-ка-зывать, лож-ка, ка-мень* и т. д. Это значит, что звуко сочетания, полученные путем дробления слов, допускают очень большое количество случайных совпадений, которое может достигнуть колоссальной цифры при увеличении числа привлекаемых для сравнения языков. В основе четырехэлементного анализа Н. Я. Марра лежал принцип дробления слов. Произвольно дробя слова различных языков, он всюду находил звуковые соответствия элементов *сал, бер, йон, рош* и их вариантов. Само собой разумеется, что искать какое-либо рациональное зерно в приемах подобного рода бесполезно.

Однако картина резко меняется, когда мы переходим на уровень значимого слова. Попробуйте отыскать омонимы русских слов *воз, кот, нос, вол, кол, суд, зад, лес, мель*. При всем желании вы их не найдете. Подобных значимых звуко сочетаний вы не найдете ни в финском, ни в татарском, ни в таджикском, ни в ненецком языках. Омонимы типа *ключ* (источник) и *ключ* (прибор для отпираания замка), *лук* (растение) и *лук* (орудие для стрельбы) сравнительно редки. Что касается пучков омонимов типа *коса* (орудие для кошения травы), *коса* (заплетенные волосы) и *коса* (узкий полуостров на реке), то они часто генетически связаны и не представляють собой случайных созвучий.⁴

Конечно, при привлечении большого количества языков возможность случайных совпадений увеличивается. Так, если мы возьмем в качестве объекта сопоставления такое русское слово, как *бор*, то в венгерском мы встретим созвучие *bor* 'вино', в таджикском *бор* 'груз' и т. д. Существует определенная закономерность: чем меньше количество привлекаемых для сравнения языков, тем меньше возможность встретить слово, представляющее случайное звуковое совпадение при различии значений. Это объясняется тем, что каждый язык стремится сократить число омонимов. Исключение из этого правила могут представлять языки типа

³ При составлении списка частично использованы материалы А. И. Попова.

⁴ Омонимы подобного типа в статье нами не рассматриваются.

китайского или вьетнамского, обладающие тональной системой. Таким образом, уже сам факт, что мы привлекаем к внешнему сравнению только два языка, служит ограничителем случайности.

Если случайное созвучие рассматривать как омоним, то возможность появления его по своей частотности не будет превышать частотности появления омонимов вообще. Практически это означает, что при сравнении двух гидронимов двух неродственных языков мы почти всегда будем сталкиваться с неодинаково звучащими их составными частями, поскольку омонимы вообще встречаются не часто.⁵ Это правило приобретает особо важное значение.

Подвергая гидроним этимологизации, мы еще не создаем никакой гарантии того, что этническая принадлежность данного языка определена правильно и мы не были сбиты с толку чисто случайным сходством слов, составляющих гидроним. Иное дело, когда мы сравниваем коррелирующие пары типа *Ел-еньга* ~ *Ел-юга*, *Лунд-онга* ~ *Лунд-юг* и т. п. Здесь родство сравниваемых языков более вероятно, поскольку омонимы встречаются сравнительно редко.

Приведенный выше список содержит 64 звуковых совпадения. Как совместить с этим утверждение А. К. Матвеева о том, что общих топонимов в названиях на *-уга*, *-юга* совсем не так много, как полагает Б. А. Серебренников?⁶ Если бы корреляты, которые А. К. Матвеев считает случайными звуковыми совпадениями, действительно были таковыми, то они не образовывали бы никакой структуры. В действительности же они образуют определенную структуру. Регулярно и закономерно они отсекают определенные суффиксы, а именно: *-еньга*, *-анга*, *-онга*, *-юга*, *-юг*. Этот факт свидетельствует о том, что сами корреляты представляют собой значимые слова языков агглютинативного строя и что внешнее сравнение ведется нами на уровне слов, а не их частей, как это делал Н. Я. Марр, применяя свой четырехэлементный анализ. Глухое начало гидронимов может служить подтверждением того, что мы имеем дело с агглютинативными языками.

Ограничителем случайности может служить и территориальный фактор. Мы рассматриваем языки, распространенные на смежных территориях. По теории вероятности на смежных территориях могут находиться родственные языки. Мало того, территория их распространения нередко является общей.

Существует непреложная истина: число слов, образующихся в гидронимических названиях, всегда намного меньше общего числа слов, встречающихся в данном языке. Выше нами указывалось, что потенциальное количество встреч случайных сходных звукосочетаний пропорционально количеству привлекаемых для сравнения слов. Если операция на количественно ограниченном материале дает очень высокий процент совпадений, то это значит, что мы имеем здесь дело с материально родственными словами двух родственных и даже близкородственных языков, на что указывает отсутствие сильной деформации сравниваемых сходнозвучащих слов.

Гидронимические суффиксы, выделяемые коррелятами, допускают возможность этимологизации, например, суффикс *-еньга* может быть связан с хантыйским словом *jɨŋk* 'вода' и ненецким *jeŋa* 'речка'. Итак,

⁵ Мы предполагаем, что первые части гидронимов агглютинативных языков представляют значимое слово.

⁶ А. К. Матвеев, Дофинно-угорская гипотеза и некоторые вопросы методики топонимических исследований. — СФУ III 1967, стр. 139—151.

наше внешнее сравнение — это не простое сопоставление наугад. Возможность случайности ограничивается целой системой ограничителей.

А. К. Матвеев расправляется с нашим материалом очень просто. Из 38 приведенных созвучий он оставляет только 5, определив все остальные как случайные. Приведенный нами список, включающий 28 названий и иллюстрирующий возможность корреляций гидронимических суффиксов *-анга*, *-еньга*, *-юг*, *-юга* и суффиксов *-ым* (*-им*) отводится целиком и полностью как не заслуживающий внимания.⁷

Можно ли все предлагаемые нами коррелятивные пары полностью отвести как абсолютно несостоятельные, поскольку они представляют совершенно случайные созвучия? Для выполнения этой задачи требуется одно непереносимое условие, а именно — знание лексики исчезающих субстратных языков и истории их звукового состава. Похоже, что А. К. Матвеев все это знает. Он сразу отводит целые десятки гидронимических названий, содержащих коррелирующие слова, и даже вычисляет проценты с точностью до пяти десятых. Как можно в данном случае что-либо опровергнуть, если нет реальных возможностей для опровержения?

А. К. Матвеев пытается внушить читателю мысль, что в отличие от Б. А. Серебренникова, он не пользуется методом внешнего сравнения. Но ведь в действительности это не так. Гидронимы на *-ньга* А. К. Матвеев этимологизирует на основе чисто внешнего звукового сходства, ср., например, его сопоставления: *Рабаньга*, ср. фин. *rapa*, кар. *raba*, эст. *raba* 'кривое дерево; гниль; гуща'; *Рименьга*, ср. фин. *rimpi* 'илистое место, болото, каша'.⁸

А. К. Матвеев приводит этимологии 39 гидронимов с суффиксом *-ньга* типа *Войманга*, *Леденьга* и т. п.⁹ Известная часть этих расшифровок представляет собой маловероятные словосочетания вроде *Корманга* 'грузовая река', *Пулонга* 'поплавковая река' и т. д. Довольно много гидронимов, как показывает наш список, связано по корреляции с гидронимами на *-юг*, *-юга*. Остальные расшифровки могут быть вероятными, но они не гарантированы от случайности. Чтобы уменьшить возможность чисто случайного звукового сходства, А. К. Матвееву следовало бы создать систему ограничителей случайностей, но сделать это ему не удалось.

Простое сопоставление таких гидронимов, как *Важеньга*, *Ерзеньга*, *Коленьга*, *Селенга* и т. п. явно свидетельствует о том, что в роли суффикса в данном случае выступает элемент *-еньга*. Вычленяемые нами корреляты отсекают суффикс в этом же месте, ср. такие коррелирующие пары, как *Ел-еньга* ~ *Ел-юга*, *Варз-еньга* ~ *Варз-юга* и т. п. Однако, по мнению А. К. Матвеева, все это не научно. Он предлагает обратиться к предположению А. И. Попова о возможности возникновения суффикса *-ньга* из словосочетания родительный падеж существительного + *jogi* 'река' (*n* + *jogi*).¹⁰ Однако подобная методика несостоятельна, поскольку основывается на не существующем в природе факте. Первые составные части гидронимов на *joki* никогда не обнаруживают тотального оформления в родительном падеже. С выводом суффикса *-ньга*

⁷ А. К. Матвеев, Дофинно-угорская гипотеза и некоторые вопросы методики топонимических исследований, стр. 143, 144.

⁸ А. К. Матвеев, Историко-этимологические изыскания. — Ученые записки Уralьского гос. университета, вып. 36, Свердловск 1960, стр. 114.

⁹ Там же, стр. 113—115.

¹⁰ А. И. Попов, Материалы по топонимике Карелии. — Советское финноугроведение 5, Петрозаводск 1949, стр. 64.

получился явный ляпсус, которого А. К. Матвеев никак не хочет признать. Мост к языкам прибалтийско-финского типа фактически перекинут не был.

Перейдем теперь к проблеме генетической связи языка создателей гидронимики на *-юг*, *-юга* с языком коми. В настоящее время А. К. Матвеев склонен признать, что названия на *-уга*, *-юга*, *-ога*, *-ега* в западной части ареала, возможно, относятся не к пермским, а к прибалтийско-финским языкам.¹¹ Попробуем представить список гидронимов на *-юга*, находящихся в углу, образованном Северной Двиной и Вычегдой: *Вер-юга**¹², *Вод-юга**, *Еж-уга*, *Ел-юга**, *Етч-уга*, *Из-юга*, *Киз-юга*, *Копт-юга*, *Корд-юга**, *Лопт-юга*, *Мошь-юга* (нас. п.), *Мунд-юга*, *Муфт-юга*. *Нель(н)-юга**, *Нем(н)-юга**, *Пал-уга**, *Пол-юга**, *Порт-юга**, *Путь-юга**, *Ревт-уга**, *Роч-уга*, *Сел-юга**, *Сич-уга**, *Урд-юга*, *Цебь-юга*, *Чебь-юга*, *Чез-юга**, *Шил-юга**.

Прибавим к этому списку список гидронимов на *-юг*, находящихся в бассейне реки Юга и смежных районах: *Ан-юг*, *Верл-юг*, *Воз-юг*, *Кал-юг*, *Кар-юг**, *Кич-уг*, *Куз-юг**, *Ланд-юг**, *Лупт-юг*, *Мит-юг*, *Мич-уг*, *Нарч-уг*, *Нюр-юг*, *Пар-юг**, *Парч-юг*, *Пин-юг**, *Пыж-уг**, *Пыч-уг*, *Пыщ-уг*, *Рыст-юг*, *Тел-юг**, *Шел-юг**, *Шибл-юг**, *Шорт-юг**, *Чир-юг**, *Чурзь-уг* и т. д.

Теперь целесообразно сравнить оба списка со списком наиболее типичных гидронимов на *-ю*, встречающихся на территории Коми АССР: *Бадь-ю*, *Веж-ю*, *Видзь-ю*, *Дин-ю*, *Кос-ю*, *Ком-ю*, *Лат-ю*, *Лем-ю*, *Лень-ю*, *Лоп-ю*, *Мошь-ю*, *Ниа-ю*, *Пес-ю*, *Пон-ю*, *Поть-ю*, *Рас-ю*, *Сед-ю*, *Сорь-ю*, *Сын-ю*, *Сюзь-ю*, *Тыла-ю*, *Уль-ю*, *Чез-ю*, *Чед-ю* и т. д.

Нетрудно заметить, что даже при использовании метода сопоставления гидронимов по чисто внешнему звучанию, мы не находим того разительного сходства, которое обнаруживается при сопоставлении гидронимов на *-анга*, *-онга*, *-еньга* с гидронимами на *-юг* и *-юга*. Очевидно, что это языки разного типа. Очень незначительные по количеству коррелирующие пары вроде *Мошь-юга* и *Мошь-ю*, *Чез-юга* и *Чез-ю*, *Путь-юга* и *Поть-ю*, которые служат основной точкой опоры в рассуждениях А. К. Матвеева, напоминают русские полупереводы карельских названий озер, например, *Сязозеро*, *Ругозеро*, *Умбозеро* и т. д. Первые части этих гидронимов на коми язык не переводятся. Тем не менее, по мнению А. К. Матвеева, они имеют особо важное значение для доказательства его предположения.

Ничего не дают в данном случае этимологии отдельных гидронимов на *-юга* и *-юг*, производимые А. К. Матвеевым, например, *Из-юга* 'каменная река', *Роч-уга* 'русская река', *Мич-уг* 'красивая река' и т. д., так как они могут иметь другие связи. *Изюга* коррелирует с гидронимом *Из-юм*. Кроме того, слово *из* в древности имело значение 'жернов', а не 'камень', ср. коми-зыр. *изки* 'жернов'. Буквальный перевод этого слова как 'камень-камень' был бы бессмыслицей. *Рочуга* коррелирует с названием *Рочегда*, которое можно объяснить с помощью слов мансийского языка *рось* 'рыболовный песок' и *ахт* 'река, протока'. Название *Мичуг* может быть связано с гидронимом *Мича* (река в бассейне Шексны).

Допущение А. К. Матвеева относительно того, что гидронимы на *-юга* в западном ареале имеют прибалтийско-финское, а в восточном — пермское происхождение, ведет к целому ряду довольно курьезных вы-

¹¹ А. К. Матвеев, Дофинно-угорская гипотеза и некоторые вопросы методики топонимических исследований, стр. 144.

¹² Гидронимы, коррелирующие с соответствующими гидронимами на *-еньга*, *-онга*, *-анга*, отмечены звездочкой.

водов. Оказалось бы, что *Урдюга* (приток Онеги) и *Елюга* (река в бассейне Ваги) имеют прибалтийско-финское происхождение, а те же названия *Урдюга* (приток Пезы) и *Елюга* (река в бассейне Пинег) — пермское происхождение. Кроме того, пришлось бы допустить, что язык коми в IX веке был необычайно близок к прибалтийско-финским языкам, что, конечно, не соответствует действительности.

Сомнительно также, чтобы русские могли в IX и X веках застать в Заволочье пермские гидронимы с окончанием *-юг* типа *Из-юг*, *Лунд-юг* и т. п. Если пермское *-ju* восходит к *joki*, то интервокальное *k* должно было измениться до отпадения конечного *i*. Через промежуточную ступень *ɣ* оно превращалось, вероятно, в *j* или *ɥ*, а затем исчезло. Его исчезновение с последующим стяжением оставшихся гласных произошло еще в общепермскую эпоху, ср. коми-зыр. и удм. *ju* 'река'.

Исходя из этих соображений можно предположить, что слабые *ɣ*, *j* или *ɥ* не могли бы сохраниться в абсолютном исходе слова. Конечное *g* в названиях типа *Анюг*, *Карюг*, *Кичуг* сохранилось по той причине, что за ним некогда деловал редуцированный *a*, лучше сохранившийся на Севере, ср. *Урд-юга*, *Немн-юга* и т. п. Если бы конечный гласный был представлен *i* или *e*, как в прибалтийско-финских или общепермском языках, то вряд ли могло сохраниться конечное *g*.

Эти соображения позволяют сделать вывод, что создатели гидронимики на *-юга* проникли в бассейн Мезени из бассейна Северной Двины. Их язык отличался от языка коми. Кроме того, данные ареальной лингвистики свидетельствуют о том, что коми пришли на Мезень из более южных районов и не были аборигенами этого края.¹³

Не представляется нам убедительной и гипотеза А. К. Матвеева о существовании в древние времена на Севере огромного финно-пермского этнического массива, когда названия всех рек оканчивались на *joki*.

Во-первых, такое предположение противоречит историческим данным. Север СССР не может рассматриваться как колыбель прибалтийско-финских и пермских народов. Пермские народы формировались в бассейне Камы. Что касается прибалтийско-финских народов, то известно, что предки их находились на территориях, прилегающих к южному побережью Финского залива. Именно отсюда начиналось движение в Финляндию и позднее на территорию северной части СССР. О более раннем движении на Север каких-то их ближайших сородичей ничего не известно. Раньше, чем прибалтийско-финские народы, на Север могли проникнуть саамы, но суффиксы *-еньга*, *-онга* для саамского языка не типичны, а суффикс *-юга* мог быть не чужд и угорским языкам, ср. хант. *йоган* 'река'.

Если говорить о прибалтийско-финском компоненте заволочской чуди, то это были весь или вепсы и карелы, т. е. относительно поздние этнические образования. Доказать принадлежность создателей гидронимики на *-еньга*, *-онга* (по Матвееву, *-ньга*) к прибалтийско-финским народам, а создателей гидронимики на *-юга* — к пермским А. К. Матвееву не удалось.

Рассмотрим теперь, насколько может быть оправдано чисто внешнее сопоставление при исследовании суффиксов субстратных гидронимов. В начале статьи говорилось о том, что дробление слов и извлечение из них звукосочетаний увеличивает возможность случайностей. Однако вопрос состоит в том, при каких условиях это происходит. Возможность

¹³ См. Б. А. Серебренников, Об окраинных говорах и диалектах языка коми. — СФУ I 1965.

случайных совпадений резко сократится, если мы будем иметь дело со значимыми частями слова. Она еще более снизится, если мы придадим чисто гипотетически сопоставляемым элементам одно значение, скажем, значение реки, поскольку гидронимические суффиксы могут восходить к самостоятельному слову «река». Здесь опять с успехом может быть использован закон редкости появления омонимов. В неродственных языках будет очень трудно встретить омонимичные суффиксы. Если в гидронимических названиях двух ареалов, в особенности ареалов смежных, встречаются сходные внешне гидронимические суффиксы, то это может указывать на генетическое родство этих языков.

В 1955 году нами было высказано предположение¹⁴ о возможности заселения Севера пришельцами из районов Средней России. В лингвистическом плане эта гипотеза основывалась на том, что в названиях рек на территории Севера и Средней полосы встречаются одинаковые речные суффиксы *-ма*, *-га*, *-ша* (*-жа*), *-са* (*-за*); *-та*, *-ра*.

Возьмем для иллюстрации два суффикса *-ма* и *-га*.

Суффикс *-ма*

Средняя полоса: реки *Во-ма*, *Куль-ма*, *Лек-ма*, *Ош-ма*, *Алс-ма*, *Сой-ма*, *Яхро-ма* и т. д.

Север: реки *Кизь-ма*, *Шож-ма*, *Луж-ма*, *Той-ма*, *Пор-ма* и т. д.

Суффикс *-га*

Средняя полоса: реки *Лю-га*, *Ныл-га*, *Ур-га*, *Пур-га*, *Ви-га*, *Синь-га* и т. д.

Север: реки *Ва-га*, *Ви-га*, *Ер-га*, *Шил-га*, *Чур-га* и т. д.

Некоторым топонимистам, в особенности А. И. Попову, В. А. Никонову и А. К. Матвееву, эта гипотеза пришлась не по вкусу, и они поспешили объявить ее абсолютной фикцией. Для ее опровержения выдвигались в основном два аргумента: 1) суффиксы могут иметь разные источники (А. И. Попов)¹⁵, 2) они представляют собой не суффиксы, а конечные согласные топооснов, к которым был прибавлен под влиянием русского языка гласный *а* (А. К. Матвеев).¹⁶

Мы считаем эту аргументацию необудительной по следующим причинам:

1. Если можно согласиться с тем, что в отдельных случаях суффиксы *-ма*, *-га* и т. п. действительно восходят к разным источникам, то как убедиться в том, что они все без исключения восходят к разным источникам. Доказать это невозможно, а, следовательно, невозможно и опровергнуть гипотезу в целом.

2. Если все эти суффиксы восходят к разным источникам, то почему разные исходные образования в массовом количестве на ограниченной территории приняли одинаковую форму. Эта проблема требует разрешения.

3. Можно гипотетически допустить, что конечное *а* в суффиксах *-ма*, *-га*, *-ша*, *-са*, *-та* и т. п. возникло под влиянием русского языка. Однако не исчезает факт повторяемости предшествующих согласных. Повторяемость свидетельствует о наличии функции, а функция не зависит от степени протяженности самого суффикса.

¹⁴ Б. А. Серебрянников, Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР. — ВЯ 1955, № 6.

¹⁵ А. И. Попов, Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимии СССР. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград, 1964, стр. 209, 210.

¹⁶ А. К. Матвеев, Есть ли древнепермская топонимика в Заволочье. — СФУ I 1965, стр. 208.

4. В нашем распоряжении нет никаких данных о том, что гидронимы типа *Клязь-ма*, *Пеж-ма*, *Ель-га*, *Шол-га*, *Пук-са*, *Тег-ра* и т. п. некогда звучали как *Клязьм*, *Пежм*, *Ельг*, *Шолг*, *Пукс*, *Тегр* и т. д.

5. Глухое начало гидронимов, содержащих суффиксы *-ма*, *-га*, *-ша*, *-ра* и т. д., свидетельствует о том, что субстратный язык был агглютинативным. Сочетания из двух согласных в абсолютном исходе, если они не несут никакой функциональной нагрузки, в агглютинативных языках очень неустойчивы и подвержены упрощению. Поэтому в таких формах как *Клязьм*, *Шолг*, *Тегр*, *Пукс*, *Пежм* и т. п. они не могли бы удержаться в течение долгого времени.

6. Конечный суффикс, состоящий только из одного согласного, для агглютинативных языков не типичен. Каждый суффикс в агглютинативных языках стремится иметь опору в виде гласного, который может начинать или заканчивать его по схеме *VC* или *CV*. Следовательно, конечный *a* в суффиксах *-ма*, *-га*, *-ша*, *-ра* и т. д. мог быть исконным, так как в противном случае они образовывали бы неестественные формы типа *Шолг*, *Клязьм*, *Тегр*, *Ельг* и т. д. Гидронимы с основой на гласный частично могли возникнуть в результате упрощения консонантных групп.

7. Характерными суффиксами, связывающими речные названия Севера и Средней полосы СССР, являются только *-ма*, *-га*, *-ша* (*-жа*), *-са* (*-за*), *-та*, *-ра*. Если учесть, что *-ша*, *-жа*, *-са*, *-за* и *-ра* могут быть вариантами суффикса *-са*, то число суффиксов не превысит четырех. Утверждение А. К. Матвеева о возможности выделения огромного количества «суффиксов» типа *-ва*, *-я*, *-ка*, *-па*, *-ца*, *-ба*, *-ла*, *-на* и т. п.¹⁷ является утрированным, поскольку все перечисленные им другие суффиксы не показательны: они или сравнительно редки (*-ца*, *-ла*) или территориально ограничены (*-я*). Наиболее важно здесь то, что эти суффиксы связывают гидронимику Севера и Средней европейской части СССР, а не то, что они не сосредоточены. Рассматриваемый гидронимический слой очень древен. Создатели его предшествовали финно-уграм. Поэтому ни один из суффиксов уже не употребляется в самостоятельном значении.

Возможность проникновения среднерусского древнего населения на Север подтверждается археологическими данными¹⁸; имеются также случаи буквального повторения речных названий, например, *Пеза* — приток Волги и *Пеза* — приток Мезени, *Сула* — приток Казанки и *Сула* — приток Печоры, *Кудьма* — приток Волги и *Кудьма*, река, впадающая в Белое море, *Урдома* — приток Волги и *Урдома* — название населенного пункта на Вычегде, *Сура* — приток Волги и *Сура* — приток Мезени и т. д. На пути миграции древнего среднерусского населения в северные области не было никаких естественных препятствий.

Закон редкой встречаемости омонимов открывает огромные возможности для установления генетического родства ныне исчезнувших субстратных языков.

Широко прокламируемая недопустимость сопоставления слов на основе чисто внешнего сходства часто скрывает под собой незнание законов, управляющих случайностью. В определенных условиях при наличии системы ограничителей случайности такое сопоставление вполне возможно.

¹⁷ А. К. Матвеев, Дофинно-угорская гипотеза и некоторые вопросы методики топонимических исследований, стр. 145.

¹⁸ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, Москва 1952; М. Е. Фосс, Древнейшая история Севера Европейской части СССР, Москва 1952.

